

18+

ЕВГЕНИЙ РЯБКОВ

БЕЗ СТРАХА И КРЕДИТОВ

НАСЛЕДСТВО
ФАМУСОВА

Евгений Рябков

**Без страха и кредитов.
Наследство Фамусова**

«Издательские решения»

Рябков Е.

Без страха и кредитов. Наследство Фамусова / Е. Рябков —
«Издательские решения»,

Вы работаете на ипотеку, а банк — на вас? Офисный клерк Алексей решил разорвать этот круг. Без кредитов, без страха и вопреки советам токсичных начальников. Этот бизнес-роман — не просто история, а скрытая инструкция по финансовой свободе. От первой стиральной машины за 5000 рублей до собственной империи. Узнайте, как выйти из долговой ямы и заставить деньги работать на вас. Прочитайте, чтобы изменить свою жизнь!

© Рябков Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Всё как у людей	6
Глава 2. Премия за страдания	9
Глава 3. Знакомство с Софьей	11
Глава 4. Дядя Саша	13
Глава 5. Горе от первой мысли	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Без страха и кредитов Наследство Фамусова

Евгений Рябков

© Евгений Рябков, 2026

ISBN 978-5-0070-5813-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Всё как у людей

Понедельник начинается с запаха дешёвого кофе и вентиляционной смазки. Алексей Векшин входит в серое здание с табличкой «Фамусов и партнёры. Управление активами». Ирония в том, что активов у компании нет — только аренда, кредиты и зарплаты сотрудников, которые мечтают дожить до пенсии. Алексей ловит себя на том, что уже в коридоре его плечи опускаются, как у солдата перед строем. Так его учил отец: «Держись прямо, но голову не поднимай — заметят». Странное правило для человека, который всю жизнь проработал на заводе и умер с долгами.

Офис встречает его привычным гулом. Кулер, принтер, голос начальника отдела: «План по продажам! Кто не выполнит — лишу премии!». Алексей садится за свой стол, включает компьютер и смотрит на цифры. Зарплата — 60 тысяч после налогов. Квартплата — 15. Кредит за автомобиль, чтобы «не хуже людей» — 18. Остаётся 27 на еду, интернет и редкие свидания. Старая формула: работай, плати, потребляй, работай ещё больше. Он вспоминает, как в детстве мать прятала копейки в банку из-под кофе — «на чёрный день». Чёрный день наступил, когда отец потерял работу. Банку разбили. Внутри было 4300 рублей. На неделю. С тех пор Алексей не верит в копилки.

— Векшин, ко мне, — голос Павла Петровича Фамусова гремит из открытой двери.

Фамусову 55, он носит дорогие, но мятые пиджаки и говорит так, будто каждое слово стоит денег. На стене за его спиной — портрет отца, основателя фирмы, с подписью: «Стабильность — залог уважения». Алексей замечает, что портрет висит криво. Уже год никто не поправил. Мелочь, но показательная: в компании давно нет ни стабильности, ни уважения, только ритуалы.

— Вызывали? — Алексей стоит по струнке, хотя внутри уже зевает.

— Ты квартиру-то купил, как я советовал? Ипотека — святое дело. Вон Молчалин из банка взял двухкомнатную, теперь человеком стал. А ты всё ютишься.

— Павел Петрович, я думаю, сначала накопить...

Фамусов перебивает, как всегда. У него привычка: не смотреть в глаза, а смотреть куда-то в область лба. Алексей долго не мог понять, что это такое — провокация, неуверенность, плохое зрение? Оказалось, просто дурная привычка. Но от неё становится неуютно.

— Накопить? На зарплату? Ха. Бери ипотеку на 25 лет, как все нормальные люди. Через двадцать пять лет выплатишь — и своё. А там и пенсия. Так живут. Так живут люди.

— А если я хочу не так?

Фамусов медленно поднимает глаза. Пауза — как у змеи перед броском. Алексей замечает, как пальцы Фамусова барабают по столу. Нервный тик. Старик боится. Боится, что кто-то окажется умнее и выйдет из игры.

— Слышал я твои разговоры. Про «раннюю независимость», «проценты», «денежные потоки». Ты умный, Векшин. Может, слишком умный. А знаешь, что говорят про ум не по чину?

Алексей молчит. Он знает. Горе от ума. Эту фразу вбила в него мать, когда он в школе поправил учительницу по математике. Учительница обиделась. Мать пришла красная, шлёпнула его при всех и прошептала: «Не умничай. Умных не любят». Ему было десять. Он запомнил запах её духов «Красная Москва» и то, как стыдно было перед одноклассниками. С тех пор он иногда прикусывает язык, когда хочет сказать правду. Но сегодня не прикусил.

— Иди работай, — отрезает Фамусов. — И запомни: умный тот, кто вовремя замолчал.

В коридоре мелькнула девушка из маркетинга — кажется, её зовут Софья. Алексей видел её пару раз, но не общался. Она держалась прямо, пахла яблоками, и он почему-то запомнил это. Но сейчас она прошла мимо, и он остался у кулера один. Вода в кулере тёплая — никто не

меняет баллоны вовремя. Ещё одна мелочь, которая говорит о компании больше, чем отчёты: здесь всё держится на том, что никто ничего не меняет.

Вечером он едет домой в своей машине, за которую платит банку. В пробке смотрит на огни многоэтажек. В каждой — семья, ипотека, кредит на телевизор, работа, от которой тошнит по воскресеньям. Всё как у людей. Он вспоминает, как однажды помогал дяде разбирать гараж. Тот хранил там старые журналы, инструменты, запчасти. И среди всего этого хлама нашёл свою трудовую книжку — пожелтевшую, с записями о переводах и повышениях. Дядя заплакал. Сказал: «Всю жизнь отдал, а пенсия — смех». Алексей тогда не понял. Теперь понимает слишком хорошо.

«Почему „как у людей“ — это значит „как у рабов“?» — думает он.

Дома — звонок от мамы. Она звонит всегда в одно и то же время — в 19:45, после ужина и перед «Полеми чудес». Это ритуал. Она говорит одни и те же фразы, в одном и том же порядке. Алексей знает каждую интонацию.

— Сынок, как дела? — голос у неё бодрый, но с ноткой тревоги. Он слышит за её спиной телевизор — Якубович что-то вещает.

— Нормально, мам. Работа, дом. Всё как обычно.

— А ты ужинал? Не худеешь там?

— Да всё хорошо. Не переживай.

Пауза. Мать мнётся, потом решается. Он знает, что сейчас будет. Она всегда мнётся, когда речь заходит о деньгах. Отец научил её стыдиться разговоров о финансах, хотя именно из-за денег у них были самые страшные ссоры.

— Сынок, а ты ипотеку-то взял? Молчалин из банка — хороший мальчик, мать его хвалила. Он уже взял! И квартиру, и машину...

— Мам, Молчалин взял две машины и квартиру в ипотеку. У него долгов на 15 лет вперёд. Он не живёт — он работает на банк.

— А ты на кого работаешь?

— На дядю.

— Вот именно. Так возьми ипотеку, и ты будешь работать на себя. На свою квартиру.

Алексей вздыхает. Он слышал этот аргумент сто раз. И каждый раз не знает, как объяснить, что ипотека — это не «работа на себя», а работа на банк, который вежливо берёт тебя за горло на четверть века.

— Мам, я подумаю. Ладно?

— Ты всегда говоришь «подумаю». А думать-то надо быстрее. Квартиры дорожают.

— Мам, спокойной ночи.

— И тебе. И не забудь — ипотека дело святое.

Она кладёт трубку, не попрощавшись. У неё тоже ритуал: не говорить «до свидания», потому что это как будто откладывает следующий разговор. Алексей ложится на диван и смотрит в потолок. В голове крутится: «Горе от ума, горе от ума. А горе от тех, кто лезет в ипотеку, никто не считает».

За стеной сосед включает телевизор. Диктор бодро вещает: «Россияне стали брать больше кредитов. Эксперты связывают это с ростом доверия к банковской системе». Алексей усмехается. Доверие. Как будто банки — это благотворительные фонды, а не машины по высыванию денег из чужих карманов.

Он закрывает глаза и видит отца. Отец сидит на кухне, перед ним — стопка неоплаченных квитанций. Мать плачет на кухне, отец молчит. Он всегда молчит, когда трудно.

Завтра снова офис. План. Фамусов. Та девушка из маркетинга — Софья. И где-то на задворках сознания — мысль, которую он пока боится произнести вслух: «А что, если всё это — ловушка? И умный не тот, кто забился в эту клетку, а тот, кто из неё сбежал?»

Но он пока молчит. Потому что Фамусов прав: умный тот, кто вовремя замолчал. Особенно когда ещё не знает, как выбраться.

Глава 2. Премия за страдания

Четверг, 18:30. Офис пустеет медленно, как зубная боль. Алексей смотрит на часы: переработка третьи сутки подряд. Фамусов обещал премию «самым стойким». Стойким — значит, тем, кто не ушёл домой к семье. Алексей вспоминает, как в детстве отец тоже «задерживался на работе». Мать говорила: «Папа приносит деньги». Но деньги исчезали быстрее, чем отец возвращался. Он умер от инфаркта в 54, за два года до пенсии. В свидетельстве о смерти написали «острая сердечная недостаточность». Алексей знал правду: хроническая недостаточность жизни.

— Векшин, отчёт по «Регион-Сервису» должен быть завтра в 9 утра, — бросает на ходу начальник отдела Сидоров, человек без возраста, без улыбки и без выходных. У Сидорова лицо, которое не меняется уже десять лет. Та же серая бледность, те же мешки под глазами. Алексей иногда думает, что Сидоров — не человек, а функция, встроенная в офисную мебель.

— Но я уже...

— В 9 утра. Это не просьба.

Алексей кивает. Где-то в глубине сознания шевелится мысль: «Зачем я это делаю?» Он считает: 60 тысяч зарплаты, поделить на 220 рабочих часов (потому что переработки не оплачиваются) = 273 рубля в час. Стыдно становится даже перед самим собой. Он вспоминает, как в школьные годы помогал отцу на рынке — грузил ящики с помидорами. За час платили 200 рублей. Тогда это казалось копейками. Сейчас — почти столько же. Двадцать лет прошло, а цена его часа не изменилась.

В курилке курят трое. Молчалин из банка (Владимир, которого все зовут просто Молчалин, потому что он действительно молчалив и удобен) достаёт новую сигарету. Алексей замечает, как дрожат его пальцы. Молчалин нервничает. Он всегда нервничает, когда речь заходит о деньгах. Хотя работает в банке.

— Слышал, вторую машину взял? — спрашивает его коллега Петухов, человек-слух, чья главная функция в компании — собирать сплетни.

— Ага, Елене, жене. В кредит, конечно, — Молчалин улыбается той улыбкой, которая говорит: «Я такой же, как вы, не бойтесь». — Ей для статуса надо. А я что, я человек подкаблучный.

Алексей заметил, что Молчалин говорит «Елене» без теплоты, скорее с обречённостью. Как о кредите. Как о неизбежном зле.

— А ты сам-то рад? — спросил Алексей, хотя знал, что лезет не в своё дело.

— А какая разница? Жена сказала — значит, надо. — Молчалин затаился и добавил почти шёпотом: — Главное, чтобы дома не пилила.

Петухов хохотнул. Алексей промолчал, но подумал: «Ещё одна долговая кабала, только ради чужого каприза». Он вспомнил свою бывшую девушку, которая требовала, чтобы он купил ей шубу. Он не купил. Она ушла к тому, кто купил. Через год Алексей встретил её в метро — шуба висела мешком, а девушка выглядела на десять лет старше. Она не поздоровалась. Он не пожалел.

— А первую за сколько выплатишь? — спросил Петухов.

— Осталось два года. А потом сразу новую возьму. Кредитная история должна быть хорошей.

Алексей не курит, но стоит. Слушает. И вдруг задаёт вопрос, которого от него не ждали. Он сам не знает, зачем его задаёт. Может быть, потому что устал. Может быть, потому что вспомнил отца. Может быть, потому что в груди закипает злость, которую он годами сдерживал.

— А зачем тебе две машины, если ты живёшь в 15 минутах от работы пешком?

Тишина. Молчалин смотрит на него как на идиота. Петухов перестаёт улыбаться. Даже воздух в курилке становится плотнее.

— Как зачем? Статус. Ты же не хочешь, чтобы соседи думали, что ты неудачник?

— Соседи думают о тебе ровно три секунды в день, — говорит Алексей. Он чувствует, как сердце бьётся чаще, но останавливаться не хочет. — А ты работаешь на них два года.

Молчалин тушит сигарету. Резко, с таким остервенением, будто давит не окурок, а что-то живое. Уходит, не попрощавшись. Петухов шепчет: «Ты зря, Векшин. Он дружит с самим Фамусовым».

В 21:30 Алексей сдаёт отчёт. Устал так, что буквы плывут. В пустом офисе идёт к кулеру и видит на столе у Фамусова приказ о премиях. Своей фамилии нет. Зато есть Молчалин («За лояльность» — 30 тысяч) и Сидоров («За переработки» — 15 тысяч). Своей — нет. Алексей смотрит на приказ, и в голове всплывает старая поговорка: «Лояльность не продаётся — покупается». Значит, он недостаточно дешёв.

Он едет домой в пустом автобусе (машину оставил на ремонт — нечем платить за страховку). Автобус старый, дребезжит на каждой кочке. Рядом едет парень с коляской. Ребёнок в коляске плачет. Парень устало закрывает глаза. Алексей смотрит на него и думает: «Ты тоже раб. Просто пока не понял». Проходит мимо витрины риелторского агентства. Квартиры. Кредиты. Ипотека. «Платите 25 лет — и ваше!»

«И чьё же оно будет через 25 лет? — думает он. — Моё? Или я буду принадлежать ему?»

Дома — звонок от матери. Он уже знает, что она скажет: про ипотеку, про Молчалина, про то, что он не ценит себя. Но сегодня Алексей не берёт трубку. Ему нечем её успокаивать. Он смотрит на экран телефона, где высвечивается «Мама», и ждёт, пока она сбросит сама. Четыре гудка. Пять. Шесть. Тишина.

Он засыпает под бубнёж телевизора о том, что «кредиты — это благо». Сосед за стеной, кажется, тоже не спит. Слышно, как он ходит из угла в угол. Тоже считает чужие деньги.

Глава 3. Знакомство с Софьей

Вторник, 11:00. Презентация нового проекта. Конференц-зал с пластиковыми стульями и запахом застоявшегося воздуха. Фамусов во главе стола, как патриарх на совете старейшин. Справа от него — Молчалин (в роли «представителя банка-партнёра»), слева — Софья Ларина с ноутбуком. Алексей сидит в третьем ряду, ближе к выходу. Он всегда садится ближе к выходу. Привычка, оставшаяся со школы: в любой момент можно встать и уйти. Хотя никогда не уходил.

Алексей видит её так близко в первый раз — раньше только мелькала в коридоре, на расстоянии. Теперь он может разглядеть светлые волосы, строгую юбку, взгляд человека, который боится ошибиться. Она кусает губу, когда молчит. Маленькая деталь, которую он почему-то замечает сразу. И ещё — она пахнет яблоками. Так же, как в тот раз у кулера. Странно, что он запомнил этот запах.

— Слово Лариной, — командует Фамусов.

Она встаёт, поправляет бейдж. Бейдж съехал набок — она поправляет его дважды за минуту. Нервная привычка. Алексей знает: если человек поправляет бейдж чаще, чем дышит, он либо новенький, либо боится, что его не узнают. Софья здесь уже три года. Значит, боится.

Она начинает говорить. Называет цифры: охват рынка, конверсия, ROI. Алексей слушает не столько цифры, сколько интонацию. Она умна — это видно по тому, как она связывает показатели. Но она боится этого ума. Каждую фразу заканчивает вопросительной интонацией: «...если я правильно понимаю», «...хотя, может, я и ошибаюсь». Алексей вспоминает себя пять лет назад, когда он только пришёл в компанию. Тоже так же оправдывался. Тоже боялся.

— Вопросы? — Фамусов обводит зал взглядом.

Молчалин молчит. Сидоров молчит. Все молчат. Алексей чувствует, как внутри поднимается волна сопротивления. Он знает, что сейчас скажет что-то неудобное. И не может остановиться.

Он поднимает руку.

— Софья, скажите, а почему мы считаем целевую аудиторию по доходам, а не по финансовому поведению? Человек с зарплатой 100 тысяч может быть бедным, если он должен банку 5 миллионов. А человек с 50 тысячами — богатым, если у него нет долгов.

Тишина. Софья смотрит на него с удивлением и... страхом? Да, страх в глазах. Будто он спросил что-то неприличное. Она краснеет. Краснеет так, что становится видно даже при плохом освещении зала. Её пальцы нервно барабают по ноутбуку.

— Э-э-э... — она мнётся. — Это нестандартный подход. Мы работаем по методике...

— По старой методике, — тихо говорит Алексей. — Работай, плати кредиты, не высовывайся.

Фамусов стучит рукой по столу. Жёстко, как судья молотком. Алексей замечает, что Сидоров вздрагивает. Сидоров всегда вздрагивает, когда Фамусов стучит. Сработанный рефлекс.

— Векшин, прекрати философствовать. Задача презентации — утвердить бюджет, а не устроить дискуссионный клуб. Вопросы по делу есть?

Вопросов нет. Презентация утверждена. Софья краснеет, собирает бумаги и выходит в коридор быстрее обычного. Алексей догоняет её у кулера. Она не пьёт — просто стоит, держится за край стойки, будто боится упасть.

— Извините. Я не хотел вас смутить.

— Вы не смутили. Вы поставили меня в неловкое положение перед начальством, — она говорит жестче, чем ожидал. — В этой компании не задают такие вопросы.

— А какие задают?

— Удобные. Про бюджеты, сроки, ресурсы. Не про «финансовое поведение».

Она наливает воду в стакан, пьёт мелкими глотками. Алексей замечает, что у неё красивые руки — без колец, но с аккуратным маникюром. И снова запах яблок.

— А вы читали что-нибудь про личные финансы? — спрашивает он.

— Зачем? — она искренне удивлена. — У меня есть зарплата. Есть ипотека. Я плачу — и всё в порядке. Главное, чтобы мужчина был надёжный, как ипотека.

— Ипотека — это надёжность? Это кабала на четверть жизни.

Софья усмехается. Не зло, скорее устало. Как человек, который слышал этот аргумент тысячу раз и не нашёл на него ответа.

— Вы какой-то не от мира сего, Векшин. Люди так живут. Мои родители так жили. Я так живу. Квартира будет моей — и это главное.

— А если через 10 лет вы захотите переехать в другой город? Или открыть свой бизнес?

— Не захочу. Я хочу стабильность.

Она уходит, оставляя после себя запах яблок и чувство невысказанного. Алексей смотрит ей вслед и думает: «Красивая. Умная. И совершенно чужая. Потому что её ум работает на Фамусова». В голове всплывает фраза, которую он прочитал вчера в книге: «Страх — единственная вещь, которая дороже денег». Софья не боится долгов. Она боится свободы.

Вечером он находит её в соцсетях. Фото: море, кофе, котик. И статус: «В активном поиске стабильности». Он листает её фотографии. На одной из них она обнимает мать — женщину с цепким взглядом и такой же, как у Софьи, привычкой поправлять бейдж. На другой — сидит в кафе с подругами, все смеются, но глаза у Софьи грустные. На третьей — выпускной в университете: она в мантии, с дипломом, улыбается в объектив. Но улыбка не настоящая. Алексей знает этот взгляд — взгляд человека, который получил то, что хотел, но не понял, зачем.

Он пишет: «А если стабильность — это ловушка?»

Не отвечает. Стирает.

Но через час приходит уведомление: «Софья Ларина приняла ваш запрос в друзья».

Он смотрит на экран и чувствует странную смесь надежды и страха. Ему 28 лет, он никогда не был женат, у него нет квартиры, нет сбережений, есть только работа, от которой тошнит, и автомобиль в кредит. И он понятия не имеет, что сказать женщине, которая пахнет яблоками и боится свободы.

Глава 4. Дядя Саша

Суббота, 10:00. Алексей заканчивает помогать соседке с первого этажа — повесил ей тяжёлую полку на кухне за 400 рублей. Соседка — пожилая женщина с цыплячьей шеей и вечным запахом валерьянки — всё благодарит, суёт ему печенье. «Внуки не приезжают, а мне одной не поднять», — говорит она, и Алексей ловит себя на мысли, что слышит эту фразу уже в четвёртый раз за месяц. Ему даже не надо отвечать — она сама продолжит: «Вот раньше...». Раньше у всех было лучше. Алексей не знает, правда ли это, но понимает: людям нужно во что-то верить.

Выходит в подъезд, вытирает руки от пыли. На лестнице темно — лампочка перегорела уже месяц назад, и никто не вызвал электрика. Алексей мог бы починить сам, но тогда придётся объяснять соседям, почему он полез. А объяснять он не любит. Навстречу поднимается мужчина лет семидесяти, в старом свитере, с умными, очень живыми глазами. В руках — ключи от квартиры этажом выше. Старик останавливается, тоже замечает темноту, хмыкает. «Двадцать лет живу — лампочки меняются реже, чем правительство».

— Здравствуйте, — говорит Алексей.

— Здорово, — отвечает старик, останавливаясь. — Вы к кому?

— Да вот, помог полку повесить. А так я на третьем живу, 67-я квартира.

— А, сосед. А я на четвёртом, дядей Сашей кличут. А вас как звать?

— Алексей.

— Слушай, Алексей, — дядя Саша вздыхает. — У меня велосипед во дворе стоит, pedalь отвалилась. А я уже старый, гнутья тяжело. Поможешь, если не трудно?

Алексей замечает, что старик говорит не «тяжело», а «не трудно». Старая школа. Люди, которые не жалуются, а просят.

— Да нет проблем.

Спускаются во двор. Двор типичный для спального района: качели с отломанной перекладной, песочница, в которой давно нет песка — только окурки, и скамейка, где пенсионеры обсуждают пенсии. Сейчас пусто. Ветер гоняет прошлогодние листья. Алексей присаживается на корточки у велосипеда. Велосипед старый, но хороший — «Урал» советских времён. Такие сейчас в ретро-магазинах продают за бешеные деньги. Но дядя Саша не продаёт. Он его, наверное, любит.

За пять минут Алексей прикручивает pedalь, попутно подтягивает цепь, регулирует тормоза. Руки в масле, под ногтями грязь — но это приятная грязь. Грязь человека, который делает что-то руками. Не то что в офисе — там грязь другая: бумажная, отчётная, липкая.

Дядя Саша смотрит одобрительно, с уважением. Алексей замечает, что старик не торопится, не суетится. Он даёт Алексею закончить, не дышит в затылок. Редкое качество в мире, где все спешат.

— Руки у тебя золотые. Пойдём чай пить, есть разговор.

Квартира дяди Саши — это музей человека, который жил правильно. Никаких кредитных телевизоров и понтов. Старая мебель, но хорошая, из тех времён, когда мебель покупали раз на жизнь. Книги — настоящие, с закладками, с пометками на полях. На столе — макбук (последняя модель, Алексей узнаёт). Контраст бросается в глаза: старый свитер, советский велосипед — и новейшая техника. Дядя Саша перехватывает его взгляд.

— Думаешь, пенсионер должен сидеть в очереди в поликлинику? — усмехается он. — Интернет — это свобода, парень. Акции, облигации, дивиденды. Всё через него.

— Вы бизнесмен? — спрашивает Алексей, оглядываясь.

— Был. Закрыв завод пять лет назад. Устал. Продал цех, купил облигации и пару коммерческих помещений. Теперь живу на дивиденды.

— И сколько это?

Дядя Саша улыбается:

— Неприличный вопрос. Отвечу так: я получаю больше, чем трачу. И не работаю. Вот что значит свобода.

— Как вы этого добились?

Ставит чайник. Достает печенье. Садится напротив. Все эти действия он делает без спешки, с какой-то торжественной простотой, будто ритуал, который повторяет уже много лет. Алексей смотрит на его руки — они в пигментных пятнах, но сильные, уверенные.

— Есть два подхода. Первый: работай усердно, копи на чёрный день, бери ипотеку — это твоё главное приобретение. Второй: работай, чтобы учиться, покупай то, что приносит тебе деньги, а то, что требует только трат, оставь другим.

— То есть?

— Вещь, которая кладёт деньги в твой карман, — твой союзник. Квартира, которую ты сдаёшь. Бизнес, который работает без тебя. Вещь, которая вынимает деньги, — твой враг. Твоя квартира, в которой ты живёшь, — враг. Она жрёт коммуналку, кредит, ремонт. Твоя машина — враг. Твоя ипотека — гигантский враг.

Алексей смотрит на свои руки, ещё не отмытые после полки и велосипеда. Он только что заработал 400 рублей за полку, плюс дядя Саша сунул 500 за велосипед («Возьми, не отказывайся»). Почти тысяча за утро — неплохо для субботы. Он вдруг понимает, что за месяц таких подработок может выйти больше, чем его зарплата. И это без начальников, без планов, без унижений.

— И что делать?

— Создавать союзников. Хотя бы маленьких. Стиральная машина в общежитии. Автомойка. Помещение под аренду. Первого союзника можно купить за 5 тысяч рублей.

— За пять тысяч? — Алексей не верит.

— Старую стиралку. Поставить в студенческом общежитии — договорись с комендантом. Сделать монетоприёмник. Людям лень тащить бельё в прачечную. Месяц — и окупится. Ещё месяц — и прибыль. А потом купишь две.

— Это... как-то мелко.

— А ты думал, свобода даётся большими деньгами с неба? — дядя Саша смеётся. — Свобода — это шаги. Первый шаг — 5 тысяч и стиралка. Второй — 50 тысяч и автомойка. Десятый — 5 миллионов и коммерческая недвижимость.

— Но у меня нет пяти тысяч. Я в кредитах.

— Продай машину. Она — твой враг. Тратишь 18 тысяч в месяц. Продашь — получишь 300 тысяч сразу. И дышать станет легче.

Алексей молчит. Машина — это статус. Мама гордится. Софья, если узнает, что он без машины... хотя она ещё ничего не значит. Он вспоминает, как отец говорил: «Машина — это свобода». Но отец никогда не выезжал дальше области. Свобода оказалась иллюзией.

— Я подумаю, — говорит он.

— Думай быстро. Потому что каждый день в офисе Фамусова делает тебя беднее. Не в деньгах — в мышлении.

— Откуда вы знаете Фамусова?

Дядя Саша смотрит в окно. Там падает снег — первый в этом году, мелкий, сухой. Ложится на подоконник, тает.

— Мы когда-то вместе на заводе работали. Я ушёл создавать своё. Он остался подниматься по лестнице. Теперь я свободен, а он — начальник с ипотекой до 70 лет.

Алексей уходит. В голове каша. Но одна фраза врежется: «Дом, в котором живёшь, — не твой союзник, а твой враг». Он идёт по улице, смотрит на новостройки. Тысячи людей платят за «своё» жильё 30 лет. А потом умирают. И квартира достаётся банку или детям, которые

её тут же продают. «Старая модель ошибочна», — думает он и сразу пугается этой мысли. Пугается, потому что она похожа на правду.

Глава 5. Горе от первой мысли

Две недели спустя. Алексей прочитал несколько книг по личным финансам и изучил десятки статей. Сидит ночами, читает при свете настольной лампы, пока сосед за стенкой не выключит телевизор. Теперь он смотрит на мир иначе. Кофе на вынос — пустая трата. Абонемент в фитнес, которым не пользуется, — тоже. Даже мобильный тариф с ненужными гигабайтами. Он садится за кухонный стол, открывает блокнот и начинает пересчитывать свои расходы. Цифры пугают: из 60 тысяч зарплаты он тратит 57. Экономия — смешные 3 тысячи в месяц. Чтобы накопить на что-то серьёзное, нужны десятилетия. Он зачёркивает, пересчитывает, снова зачёркивает. Цифры не меняются. Жизнь, которую он ведёт, математически не складывается в будущее.

Он звонит Софье. Впервые. Дрожащим голосом:

— Привет. Не хотите вечером погулять?

Она долго молчит. Он слышит, как она дышит в трубку — неровно, с паузами. Потом:

— Хорошо. Во сколько?

Встречаются в парке. Софья в пальто и шарфе, очень городская, очень «правильная». Он — в старых джинсах (потому что новые — это лишний расход). Она смотрит на его джинсы. Не осуждающе, скорее с любопытством. Молчаливым она в глаза не смотрит — так, мельком.

— Вы странный сегодня, — говорит она. — Смотрите на деревья как на калькулятор.

— Я думаю. Понимаете, Софья, ипотека — это не то, что вас обогащает. Это кабала. Вы отдаёте банку деньги, которые могли бы во что-то вложить. Через 25 лет квартира будет вашей, но вы состаритесь на 25 лет. Время — это тоже деньги.

Она останавливается. Ветер треплет её шарф. Алексей замечает, что она кусает губу — так же, как в конференц-зале.

— Вы опять за своё? Векшин, я в этой ипотеке живу. Мне 26. Через 25 лет мне будет 51. Я буду иметь свою квартиру. Что в этом плохого?

— А что вы будете иметь между 26 и 51? Долги, кредиты, страх потерять работу. Вы станете рабыней банка.

— Я стану независимой женщиной со своим жильём!

— Ни один человек с ипотекой не независим. Вы зависите от зарплаты. А зарплата — от Фамусова. А Фамусов — от настроения. Это пирамида зависимости.

Софья садится на скамейку. Он видит, что она злится. Но не уходит. Это хороший знак. Она сжимает пальцы в замок, потом разжимает. Потом снова сжимает. Алексей понимает: она считает до десяти, чтобы не сорваться.

— Вы считаете меня душой? — спрашивает она тихо.

— Нет. Я считаю вас умной, которая попала в ловушку. Старая модель учит работать на других. Новая модель — создавать своё.

— У меня нет денег создавать своё.

— Продайте что-нибудь. Сократите расходы. Стиральная машина в подъезде общежития — это первый шаг.

— Стиральная машина? — она смеётся. Но не зло. Скорее растерянно. — Вы серьёзно? Вы предлагаете мне, маркетологу с высшим образованием, ставить стиральные машины в подъездах?

— А что в этом стыдного? Деньги не пахнут. И они не знают, какое у вас образование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.